

А. И. Герцен

БЫЛОЕ И ДУМЫ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ТЮРЬМА И ССЫЛКА (1834-1838).

 Электронная версия: [Павел Потехин](#)

Первые три части печатаются по изданию Герцен А.И. Былое и думы. Части
 1 - 3. - М.: ГИХЛ, 1958.

ГЛАВА VIII

Пророчество. - Арест Огарева. - Пожар. - Московский либерал. - М. Ф. Орлов. - Кладбище.

...Раз весною 1834 года пришел я утром к Вадиму; ни его не было дома, ни его братьев и сестер. Я взошел наверх в небольшую комнату его и сел писать.

Дверь тихо отворилась, и вошла старушка, мать Вадима; шаги ее были едва слышны, она подошла устало, болезненно к креслам и сказала мне, садясь в них:

- Пишите, пишите, - я пришла взглянуть, не воротился ли Вадя, дети пошли гулять, внизу такая пустота, мне сделалось грустно и страшно, я посижу здесь, я вам не мешаю, делайте свое дело.

Лицо ее было задумчиво, в нем яснее обыкновенного виднелся отблеск вынесенного в прошедшем и та подозрительная робость к будущему, то недоверие к жизни, которое всегда остается после больших, долгих и многочисленных бедствий.

Мы разговорились. Она рассказывала что-то о Сибири.

- Много, много пришлось мне перестрадать, что-то еще придется увидеть, - прибавила она, качая головой, - хорошего ничего не чувствует сердце.

Я вспомнил, как старушка, иной раз слушая наши смелые рассказы и демагогические разговоры, становилась бледнее, тихо вздыхала, уходила в другую комнату и долго не говорила ни слова. (178)

- Вы, - продолжала она, - и ваши друзья, вы идете верной дорогой к гибели. Погубите вы Вадю, себя и всех; я ведь и вас люблю, как сына.

Слезая катилась по исхудалой щеке,

Я молчал. Она взяла мою руку и, стараясь улыбнуться, прибавила:

- Не сердитесь, у меня нервы расстроены; я все понимаю, идите вашей дорогой, для вас нет. другой, а если б была, вы все были бы не те. Я знаю это, но не могу пересилить страха, я так много перенесла несчастий, что на новые недостает сил. Смотрите вы ни слова не говорите Ваде об этом, он огорчится, будет меня уговаривать... вот он, - прибавила старушка, поспешно утирая слезы и прося еще раз взглядом, чтоб я молчал*

Бедная мать! Святая, великая женщина!

Это стоит корнелевского "qu'il mourut" 1.

Пророчество ее скоро сбылось; по счастью, на этот раз гроза пронеслась над головой ее семьи, но много набралась бедная горя и страху.

- Как взяли? - спрашивал я, вскочив с постели и щупая голову, чтоб знать, сплю я или нет.

- Полицмейстер приезжал ночью с квартальным и казаками, часа через два после того, как вы ушли от нас, забрал бумаги и увез Н. П. .

Это был камердинер Огарева. Я не мог понять, какой повод выдумала полиция, в последнее время все было тихо. Огарев только за день приехал... и отчего же его взяли, а меня нет?